
ЭРОС И ТАНАТОС

Т.А. Суетин

ПОД ВЛИЯНИЕМ ТАНАТОСА

Аннотация. В статье рассматривается проблема влечения к смерти, как естественный составляющий элемент жизненного существования и его определяющая роль для человека и социума, а также невротичное, утрированное проявление мёртволюбия как влечение к преждевременной гибели. Приводятся возможные причины его возникновения на примере частного случая, в виде аутодеструкции, а также анализируются тенденции массового влечения к смерти современного общества и предпосылках научно-технического развития и его влияния на человека и его будущее. Влечение к смерти исследуется в рамках классического психоанализа, теории влечения З. Фрейда, а также проблема смерти и стремления к ней рассматривается с точки зрения философской антропологии, постмодернизма и культурологии. В статье выводится основополагающее значение инстинкта смерти над инстинктом жизни, энергия которых представлена в виде активной и пассивной форм, естественном движении мотивированной энергии влечения к жизни и инертной, но непреложной энергии влечения смерти, а также реверсию движения этих влечений в результате проявления травмирующих событий в развитии человека и деформации общественных тенденций развития.

Ключевые слова: жизнь, смерть, влечение, агрессия, саморазрушение, инстинкт, бессознательное, общество, страх смерти, клиническая история.

Review. The article is devoted to the problem of death drive as a natural constituent element of existence and its defining role for human and society as well as such the exaggerated neurotic death drive as the appetite to early death. In his research Suetin describes possible causes of such behavior based on the analysis of a particular case of autodestruction. The researcher also analyzes the tendencies of mass death drive in the modern society and prerequisites for the scientific and technical development and its influence on human and his future. Death drive is studied by the author in terms of classical psychoanalysis and Sigmund Freud's theory of instinctual drive and death and death instinct are analyzed from the point of view of philosophical anthropology, postmodernism and cultural studies. The author states that death drive is fundamental to life instinct which energy is presented as having active and passive forms. Life instinct is a natural movement of motivated energy and death instinct is an inert but inavoidable energy. The author also demonstrates how these drives reverse as a result of traumatic events experienced by human and deformation of development trends in the society.

Keywords: the fear of death, society, unconscious, instinct, autodestruction, aggression, instinctual drive, Death, Life, clinical history.

Жизнь ради смерти. Звучит достаточно противоречиво. Всякая жизнь заканчивается смертью, зачем ради неё жить? Ради чего вообще живет человек? Вероятно, каждый из нас рано или поздно задается этими вопросами. И у каждого из нас свои ответы. Для кого-то важны любовь и благополучие семьи, кто-то стремится к карьерному росту и материальному благополучию, другие находят смысл в творчестве и искусстве. Для каждого своя мотивация к жизни. Для большинства фраза «жизнь ради смерти» покажется абсурдной. Какой в этом смысл? Жизнь и так заканчивается смертью, зачем о ней презирать и, тем более, ради неё жить? Возмо-

но ли вообще жить ради смерти? Вероятно, если бы человек хотел скорее покинуть этот мир, он ушел из жизни и дело с концом. Слава Богу, такой трагически направленной решительностью обладают немногие. Но значит ли это, что подавляющее большинство людей не испытывают сладострастного стремления умереть?

1. Жизнь и смерть

Жизнь и смерть как одно целое, они неразрывно связаны друг с другом и там где жизнь – рано или поздно наступает смерть. Телесность не вечна, ей отпущен недолгий срок, земная жизнь

коротка. Неотъемлемость человеческой смерти придает трагизм жизненному существованию, вместе с тем, делает саму жизнь бесценной, уникальной. Во многих культурах мысль о конечности органической жизни привносит в смерть особый смысл, возвышая над телом человека его душу, которая не подчиняется земным законам смерти. В истории культур вопрос конечного земного существования вносит многоликость и многообразие не только жизни, но и смерти. Развиваются представления о внеземной жизни человеческой души [1]. Но мир по ту сторону жизни неведом, никто не может с уверенностью сказать, что ждет человеческую душу после смерти тела, есть только предположения, духовные учения, философские размышления на эту тему. Человеку сложно смириться с тленностью своего органического тела. Сознание человека обособливается от телесной смерти, она для него нечто, что может случиться с другими, но не с ним. Только уход близкого немного приближает человека к смерти, как к чему-то реальному, чему-то осязаемому. Но бессознательное отвергает собственную смерть, оно блокирует возможность представить нам этот опыт в уме. Смерть – это то, что происходит не с нами [2]. В тоже время человек сам несет в себе эти две энергии – созидания-жизни, разрушения-смерти. И на всем пути нашего существования мы идем в сопровождении ангела и демона, держа их за руки, но сжимая чью-то руку крепче. Была бы так ценна жизнь, если бы порой нас не тянуло к смерти? Возможно, тем самым человек оправдывает подлинное богатство дара пребывать в живой плоти. Как некий противовес, контраст, дающий почувствовать полноту и ценность самой жизни. Итог любого живого существа – смерть, переход в неорганическое состояние. Это неустрашаемая часть жизненного существования. Смерть постигает каждого, и если внешние причины могут этому не способствовать, то результатом смерти становятся естественные внутренние процессы. Исходя из этого, можно предположить, что на органическом уровне, цель жизни – смерть, к которой естественным образом стремится органика, равно как и в обратном – «неживое было раньше, чем живое» [3]. Даже в биологическом акте зачатия, создание новой жизни происходит благодаря соединению мужской и женской животворящих клеток, которые, в свою очередь, умирают, как нечто принадлежащее мужчине и женщине, возрождаясь в виде нового организма [4].

Человек появляется на свет с набором инстинктов, присущих живым существам, среди которых можно выделить два основополагающих, базисных, противоположенных друг другу инстинкта – Эрос и Танатос. Инстинкты жизни и смерти. Можно предположить, что изначально эти инстинкты существуют в равной мере, сбалансировано по отношению друг с другом, но в период развития человека один из них может начать доминировать над другим. В некоторой степени, инстинкт смерти как целевое, естественное движение органики в неорганическое состояние, стоит над инстинктом жизни, не по своей доминирующей силе влечения изначально, а как неотъемлемый процесс органического существования, который венчается смертью. Но при этом, без жизни не существует и смерти, неорганика происходит из органики, является конечным результатом жизни, поэтому инстинкты жизни и смерти равноценны по своему значению и неразрывно связаны друг с другом. В них содержатся изначальные, движущие энергии, одна из которых влечение к жизни, то есть направленная на естественное, созидательное существование, продолжение рода, развитие, вторая – энергия смерти, суть которой проявляется в том же естественном разрушении органического организма, его старении, перехода в неорганическое состояние. Но утрированная энергия смерти влечет к преждевременному, неестественному разрушению и деструкции органики, ее самоуничтожению, скорейшему приближению к неорганическому состоянию. Влечение к жизни обусловлено волей, неким витальным усилием, направленным на то, чтобы существовать, развиваться, продолжать род. Для самой жизни важна движущая сила, она динамична, разнообразна, уникальна, её возникновение и продолжение носят активный характер существования. Само по себе влечение к жизни естественно – оно определяет саму возможность органического существования. Движущая сила, активная витальная энергия необходимы для жизненного процесса. В то же время смерть является безвольной, она просто есть, изначально заложена в апогее органического существования. Влечение к ней, стремление приблизить ее неестественно и патологично. Можно предположить, что в изначальном биологическом существовании, влечение к жизни носит активную форму энергии, тогда как энергия влечения к смерти остается относительно пассивной. Тем не менее, в период развития человека, одна из энергий начинает доминировать движущей силой,

влечением к жизни или влечением к смерти. Происходит частичная реверсия энергий Эроса и Танатоса, когда первая приобретает пассивные черты, а вторая наделяется активными свойствами. Можно допустить, что такое изменение является нормальным, при условии, что оно носит временный характер, а не является перманентным.

Превалирование инстинкта жизни не означает аннулирование действий инстинкта смерти, как и в обратном случае. Инстинкт смерти неумолим. Если энергия инстинкта жизни служит как двигатель человеческого развития, стремление к продолжению рода, совершенствованию ментальных и духовных навыков, сохранности самого органического существования, то по какой причине может проявиться разрушительная энергия инстинкта смерти, как подсознательно доминирующее невротичное влечение?

II. Влечение к смерти

Влечение к смерти обусловлено феноменом агрессивного поведения человека и часто ассоциируется с проявлением агрессии. Энергия агрессии, находясь в противодействии энергии жизни, будучи в постоянном конфликте между собой, направляется защитными механизмами вовне «Я», то есть на внешний мир. Само проявление агрессии – реакция на окружающие ситуации и является активной формой проявления энергии инстинкта смерти. Во многом, такая реакция помогала выживать человеку в недоброжелательной среде, а направленная против своего же вида, агрессия может служить удерживанием собственных жизненных позиций, защиту рода, отбора сильнейших особей человека. Фактически, в нормальном проявлении, агрессия, несмотря на деструктивные начала, направленная против другой жизни, служит на стороне стремления к жизни собственной, улучшения существования, защита от уничтожения тем же актом деструкции, направлена на разрушение угрожающих жизни факторов. Таким образом, агрессия, в своем доброкачественном проявлении, носит деструктивный характер, направлена против другой жизни, но той, которая так или иначе препятствует выживанию или сама обладает деструктивной формой поведения. В таком случае – доброкачественная агрессия выбирает своим врагом саму смерть, гибель и борется с этим врагом теми же способами.

Нарушения развития, травмирующие эпизоды детства могут повлечь переоценку реакций

на окружающий мир, в котором не угроза жизни, а сама жизнь выступает в качестве цели, на которую направлено разрушительное агрессивное поведение. Регулярная фрустрация, страх к жизни, неудовольствие от неё – ставят саму жизнь в рамки того, с чем нужно бороться. Стремление к жизни приобретает пассивную форму, конвертируя движущую энергию в стремление к смерти, делая это стремление активным. Учитывая постоянное наличие «врага» в окружающем мире, прочно осевшие и вытесненные в бессознательное травмы фиксируют влечение к Танатосу в преобладающей форме. В таком случае, влечение к смерти может чрезмерно проявляться в злокачественной агрессии, неоправданном уничтожении объектов в окружающем мире, ошибочно избрав своим врагом саму жизнь. Она может быть направлена не только на биологическую природу человека, но и на следы его деятельности, проявляться в вандализме, разрушении социального, профессионального, семейного статусов. Обладая влечением к смерти, человек направляет постоянно действующую энергию агрессии как «вовне», на окружающих людей, природу, творения человека, так и «вовнутрь», то есть на себя самого, на свой организм, психику, социальную и профессиональную деятельность. Испытывая страх и неудовольствие жизни, подсознательную попытку прекратить её, такая злокачественная агрессия действует на постоянной основе, закреплённая травмами развития, но её направленность «вовне» или «вовнутрь» также зависит и от нравственного, этического воспитания человека, а также от самих факторов, повлекших травму и субъективное восприятие этих травм психикой. Так, например, травмирующие события могут восприниматься как аспект враждебности самого окружающего мира и дать подсознательную установку борьбы с ним. В другом случае – как ощущение собственной неполноценности, незащищённости, страха перед окружающим миром, когда агрессия подсознательно направлена в большей степени против собственного существования. Модель агрессии, по К. Лоренцу, можно ассоциировать с гидравлической моделью, как накапливание агрессивной энергии и импульсивный выплеск её «вовне» или «вовнутрь» [5]. Таким образом, преобладание инстинкта мертволюбия, невротичное проявление этого инстинкта выливается в деструктивных и разрушительных действиях против жизни, её составляющих, результатов жизнедеятельности и самого противодействующего жизни

индивида. То есть действие агрессии не обусловлено только против внешнего мира или самого субъекта, а действует, так или иначе, в обоих направлениях, с большей или меньшей силой «вовне» или «вовнутрь».

Смерть как преобладающее влечение, взявший на себя инициативное движение инстинкт, является целью, вдобавок практически единственной целью, упрощая различные установки существования, по причине основательного подчинения себе инстинкта жизни. Природное существование организмы обуславливается тем, что все органическое рано или поздно переходит в состояние неорганики, то есть умирает. Укореняясь в бессознательном психики, смерть овладевает принципами реальности и функционирования психического аппарата, что приводит к разнообразным регрессивным тенденциям человеческого существования [6]. Обе энергии жизни и смерти – балансируют естественное существование человека. Энергия жизни активна, мотивируется в частности благодаря конечности своего бытия, пассивной, безвольной, обязательной смерти. Однако этот баланс может быть нарушен переходом инициативы от Эроса к Танатосу, то есть интенсификация влечения к смерти в результате редукции, обретения пассивности влечения к жизни. К чему будет больше тяготеть человек в период своего существования, к жизни или смерти, зависит от множества разнообразных причин. Эти причины также не являются обязательными, ввиду уникальности психики каждого человека, когда для одного причина может стать решающей, травмирующей, способствующей к склонению в сторону влечения к смерти, то психика другого может проигнорировать обстоятельства, сильно повлиявшие на первого. Учитывая разнообразие культур и их традиций, некоторые эпизоды человеческого развития, воспитания, общественного уклада и вовсе не носят травматический характер, а являются естественными, общепринятыми в данной среде. Так, например, во времена, когда наказания и казни выставлялись на всеобщее обозрение, совершались на центральных площадях городов и поселений и на это мероприятие мог прийти любой житель. Зрелище смертной казни, вряд ли могло вызвать такое же впечатление, как если бы такое мрачное событие реализовалось в современном, цивилизованном обществе, где подавляющее большинство стран ввело мораторий на смертную казнь, а её производство в исключительных случаях не ориентировано на публику и закрыто от массовых зрелищ.

Кроме того, будучи травмирующими, эти причины и обстоятельства вряд ли действуют разово, и при условии возникновения могут, как повлиять на превалирование инстинкта к смерти, так и пройти относительно мимо, не способствовать в полной мере к усилению энергии влечения к смерти. Они, скорее, содействуют к колебанию стабильного состояния двух инстинктов, движение в сторону мертволюбия или жизнелюбия, и на протяжении временного периода развития человека, различные обстоятельства могут отягощать стремление к смерти, фиксировать ее. То есть, травмирующие события в развитии человека, приводящие к мертволюбию, не только разнообразны, но и, в большинстве случаев, могут носить количественный характер, усиливая это стремление.

Как может проявляться невротичное стремление к смерти у человека? Мертволюбие, как любой другой инстинкт, базируется в бессознательном слое психики и может оказывать свое действие абсолютно в разных интерпретациях. Проявление инстинкта смерти в пассивной форме является нормальным для каждого индивида и служит скорее для обретения ценности жизни. Вряд ли найдется человек, который не представлял себе смерть своего знакомого, друга, родителя, родственника. Не с целью желая смерти, а как возможного развития событий, примеряя на себя те чувства, которые при этом бы испытывал человек, смешивая некое безразличие ввиду фантазии, нереального события, и трепет от осознания, что такой трагический сценарий потери близкого неотъемлем для каждого. В мире очень популярен черный юмор, в котором основной сюжетной линией является тема смерти. Люди интересуются смертью в изобразительном искусстве, музыке, художественной литературе. Но при обретении активной формы инстинкта смерти, действия могут приобрести разрушительную форму. И чем влечение к смерти интенсивнее, тем ярче могут проявляться действия, направленные на разрушение.

Отвержение реальной жизни, нежелание, страх перед ней может вызвать стремление погрузиться в иллюзорную сферу восприятия. Так, например, при невротическом влечении к смерти, человек может пристраститься к регулярному употреблению алкогольной продукции и наркотических средств. Опьянение, одурманивание искажает восприятие реальности, вызывая внутренне иллюзорное ощущение удовлетворения, наслаждения, спокойствия, те искусственно вызванные состояния,

которые при пассивном стремлении к жизни в подавляющем большинстве отсутствуют у человека в реальности. Такие способы «уйти» от реальности не просто создают ложную картину сознания. Они пагубно влияют на психику человека, деформируя его личностную структуру, что может разрушить его социальный статус, способствовать регрессии труда, разрушить семейную ячейку, а также нанести и физический вред организму и спровоцировать смертельно опасные заболевания. В целом – зависимость от пагубных увлечений, влияющих на психику и здоровье, комплексно пытается удовлетворить влечение к Танатосу, что есть следствие самого этого влечения. Современное общество во многом само предлагает такие способы, ассоциируя, к примеру, тот же алкоголь с неотъемлемым отдыхом и веселой вечеринкой, нормой отдыха после рабочей недели, а употребление некоторых видов наркотиков не прямо поощряется, но негласно оставляется лазейка для оправданий в виде музыкальных субкультур, выступающих за легализацию марихуаны. Алкоголизм и наркомания уже давно рассматриваются психоаналитиками и суицидологами, как виды косвенного самоубийства [7]. Секс и любовь для огромного количества людей – совершенно раздельные понятия. И для многих – количество партнеров, изысков и разнообразия в сексуальной жизни имеют главенствующее значение над актом коитуса, как естественным стремлением продолжить род, эмоционально органичным влечением к любимому человеку. Все это подается под разнообразием, насыщенностью, популяризируется и преподносится в рамках полноценности жизни и жизненного опыта. Любовь – созидательное чувство. Направленное на людей оно дает жизненную ориентацию, как стремление к жизни, биофилии. В то же время, обесценивая это чувство, переходя на физиологическое удовлетворение, направляя это чувство на любовь к неорганическому, искусственному, неживому – есть противоположенная ориентация стремления к смерти, некрофилии [8]. Все действия, удовлетворяющие потребности доминирующего мертволюбия, так или иначе, пагубно и разрушительно влияют на организм, психику и эмоциональный мир человека.

Исходя из теории влечения З. Фрейда, влечение характеризуется несколькими терминами: источник влечения, цель, импульсивное напряжение, объект. Источник влечения кроется в соматическом процессе, возникающем в организме или части тела человека, раздражение которого

выражается в душевном и психическом состоянии во влечении. Цель этого влечения – удовлетворение, реализация которого может быть воплощена с помощью устранения раздражения. Импульсивное напряжение выражается в действиях, направленных на устранение этого раздражения, чтобы получить удовлетворение. Объектом же является тот, на кого направлено импульсивное напряжение и взаимодействие с которым может повлечь устранение раздражения и, следовательно, получение удовлетворения [9].

III. Источник влечения

Что может являться источником влечения к смерти? Если учитывать, что влечение к смерти подразумевает стремление к неорганическому состоянию, то можно предположить, что источником оказывается сам организм, тело человека, против которого направлены деструктивные действия. Причин, по которым организм человека и протекающая в нем жизнь, могут стать источником раздражения, много и они разнообразны. Но все они, так или иначе, связаны с неудовлетворением жизни, базальным страхом к ней, недоверия к окружающему миру и возникают в подавляющем большинстве в период раннего развития человека. Можно привести пример из клинической истории одного пациента, проходящего терапию на психоаналитических сеансах. У молодого человека наблюдалось весьма яркое влечение к смерти. Оно проявлялось в достаточно интенсивных попытках деструкции своего организма и психики, путем длительного употребления никотина, марихуаны, вызвавшие весьма серьезные разрушительные последствия личностной структуры, которая выражалась в инерционном отношении к окружающему, отсутствием мотивации жизни, кроме того, разрушением семейного благополучия. Ранее молодой человек достаточно плотно увлекался алкогольными напитками. Такой образ жизни весьма снизил иммунитет пациента, в силу чего развилось опасное иммунное инфекционное заболевание легких, при котором его деструктивные действия в виде употребления никотина и курительных смесей не прекратилось. На сеансе только по внешним признакам можно было определить крайне плачевное физическое и психическое состояние этого пациента, причина которых находилась в систематических попытках разрушений себя, вызванных интенсивным влечением к смерти. Из воспомина-

ний этого человека выяснилось, что в раннем детстве его родители часто гастролировали, оставляя его на попечение бабушкам. При этом за ребенком осуществлялся необходимый уход, не было недостатка внимания и удовлетворения естественных потребностей. Почему отсутствие родителей и, главным образом, матери, в раннем детстве чревато для человека и могут сказаться не самым благополучным образом на его психике?

Современный мир крайне динамичен и человек в нем находится в постоянном движении. Для этого времени – короткий срок декрета, частая разлука матери в связи с занятностью – вполне обыденная ситуация. Современное общество предлагает массу вариантов, благодаря которым можно обеспечить потребности младенца, без непосредственного участия матери. Целая индустрия агентств по найму нянечек, заменители грудного молока, пустышки. Достаточно распространенная ситуация, когда занятая мать не может часто находиться с маленьким ребенком. Но как это воспринимается младенцем на раннем этапе жизни? Рождаясь, маленький человек не способен самостоятельно удовлетворить свои естественные нужды и потребности. Мать обеспечивает ребенка питанием, уходом, дарит безвозмездное и искреннее тепло, чувство любви к своему чаду. Ребенок отождествляет себя с образом матери. Если она рядом – младенец чувствует себя комфортно, защищено, он доверяет жизни. Принципиально не только удовлетворение физиологических жизненно важных потребностей. Важнейшей ролью материнской заботы является удерживание ребенка, то есть физическое держание ребенка, которое для него является практически единственной формой любви на данном этапе жизни [10]. Даже кратковременная разлука с матерью может вызвать у маленького существа самые тревожные ощущения. Долгое же отсутствие матери может только укоренить эту тревогу, посеять базальное недоверие к жизни. Ведь для ребенка в этом возрасте мать и есть сама жизнь, свое собственное благоприятное существование, которое она обеспечивает. В критических ситуациях, разлука младенца с матерью может вызвать физическую смерть. Ведь когда матери нет рядом, пропадает и жизнь, возможность жить. Для ребенка это целая катастрофа и психика может направить энергию на «отключение» жизнеобеспечивающих органов, что приведет к смерти младенца. В медицине существует термин СВДС (Синдром внезапной дет-

ской смертности) – внезапной смерти младенца, здорового не только внешне, но и внутренне, так как вскрытие не позволяет установить причины летального исхода. Медицинские исследования предполагают множество факторов, способствующих СВДС. Исследования данной проблемы ведется более 60-ти лет, несмотря на интенсивность исследования, вопрос до сих пор остаётся открытым. При этом причины носят в своей основе физиологический характер или же факторы несчастного случая [11]. Но с психологической стороны проблема, к сожалению, практически не рассматривается. В более щадящем варианте – разрыв взаимодействия с матерью может спровоцировать у ребенка недоверие к жизни, само существование становится тревожным, неуверенным, что вполне способствует перенаправлению ориентации «стремление к жизни» в «стремление к смерти», то есть стремление избавиться от удовольствия самой жизнью.

В случае с нашим пациентом, видно, из дальнейших его воспоминаний, что частая длительная разлука с матерью в раннем возрасте способствовала переживаниям в будущем. Когда его приводили в детский сад, он регулярно испытывал чувство тревоги, недоверия к тому, что вернувшись, не застанет мать дома. Конечно, нельзя утверждать, что частое отсутствие матери в раннем возрасте являлось единственной причиной для сдвига баланса между стремлениями к жизни и смерти в сторону последней. Однако его можно назвать фундаментальным, способствующим для следующих факторов, облегчающим динамику движения в сторону мёртволюбия.

IV. Цель влечения

Целью влечения к смерти является удовлетворение от устранения раздражения, которым, в данном случае, является живущий организм. Т.е. фактически, не доверяя жизни, испытывая тревогу в самом существовании, человек получает удовлетворение от того, что систематически старается устранить эту жизнь и приблизить смерть. С одной стороны, может показаться странным положение об удовлетворении, ведь оно ведет к удовольствию. Конечно, человек с мазохистской структурой (данный характер, безусловно, неразрывно связан с преобладающим инстинктом Танатоса), может получать прямое удовольствие от причинения разрушительных действий, направленных

на себя, совершения намеренных действий, вызывающих последующее негативное влияние от их результата. Скорее, мазохист провоцирует эти деструктивные действия ради получения удовольствия, сопряженного с сексуальным возбуждением от самих действий, в результате зафиксированных травм детства, косвенно удовлетворяя и влечение к смерти. В то же время, инстинкт мертволюбия остается инстинктом и присущ каждому человеку, изначально наравне с инстинктом жизнелюбия. Поэтому, человек с другой структурой характера получает удовлетворение не от самих разрушительных действий, а от систематических попыток, стремлений устранить раздражение органа – т.е. живого тела, жизни этого тела.

Но человек всё-таки продолжает жить, имеет свои радости в этой жизни, может также иметь семью, продолжать род, заниматься интересной деятельностью, почему же, при всем этом, он преследует цели стремления к смерти? Не нужно забывать, что это стремление инстинктивно и процессы, действующие на удовлетворения этого инстинкта, содержатся в бессознательном слое психики. Инстинкт жизни приобретает пассивный характер, инерционен, тем не менее, процесс жизни заложен и идет по своему пути существования, над которым довлеет активизировавшийся инстинкт смерти, перенявший на себя инициативу движущей энергии. Человек может продолжать жить, к чему-то стремиться, внешне радоваться жизни, но отпечаток прошлого, травмирующие воспоминания, вытесненные в бессознательное, дает некую установку, своеобразное программирование действий, направленных на удовлетворение преобладающего инстинкта Танатос. Само по себе превалирование этого инстинкта является неврозом, который хорошо защищается механизмами психики. Поэтому, совершая пагубные действия, относительно своего организма и психики, человек находит множество оправданий. Сознание переворачивает смысл этих деяний и пристрастий, определяет их как небольшой недостаток, или негласно общепринятое времяпрепровождение. Человек не примеряет пагубное воздействие на себя, ведь смерть и смертельные болезни – это то, что происходит с другими, но не с ним. Получается некое замыкание – бессознательное отрицает, вытесняет представления о собственной смерти, в тоже время, как невроз, связанный с влечением к Танатосу, стремится удовлетворить это влечение.

V. Деструктивные действия

Импульсивным напряжением являются как раз деструктивные действия, о которых много говорилось выше. В случае с невротичным влечением к смерти напряжение не совсем импульсивно. Напряжение влечения к смерти константно, в силу неперестанного присутствия жизни, против которой оно возникает. Накапливаясь, это напряжение выражается в определённых действиях, но невротизм инстинкта смерти проявляется зачастую в постоянном, регулярном стремлении деструктивных действий. Ведь конечной целью влечения смерти является избавление от раздражения самой биологической жизни, но этой цели не достигается сразу, в силу противопоставленного, ставшего пассивным, ослабшего влечения к жизни. Но действия не ограничиваются исключительно пагубным воздействием на физический организм. В широком смысле – это может быть не только деструктивное воздействие на организм и тело человека, но и намеренная фрустрация каких-либо сторонних влечений и желаний. Вызывая такие фрустрации, человек дублирует свои прежние переживания, как бы подтверждая себе, что жизнь и ее прелести не на его стороне, что он не достоин их, потому, что и сама жизнь не достойна его, «отвернувшись» когда-то. Наш пациент описывал одно из своих воспоминаний так:

«Мне было вероятно около 4-х лет, скорее всего в меньшую сторону. У нас была дача под Москвой и мы с родителями уехали туда на лето. В один из дней, в деревне, где находилась дача, проходила свадьба. Помню, все жители вышли на улицу, собралась большая толпа взрослых и детей. Мои родители были где-то рядом, но не со мной, вероятно, общались с кем-то из жителей. Проехал свадебный кортеж и невеста осыпала всю толпу конфетами. Помню только радостные возгласы в толпе, все начали собирать эти конфеты. Я растерялся, не успел взять ни одной, все разобрали и начали расходиться. Помню чувство досады. И вдруг, прямо у себя под ногой я увидел конфету, которой мне тогда так не хватало. Но почему-то, вместо того, чтобы взять ее, разозлился и раздавил ее ногой. В голове до сих пор картинка этой лепешки из конфеты. Надо сказать, что конфета была с лимонной начинкой. Я такие конфеты не люблю, может быть и не любил тогда, а может быть не люблю именно с тех пор.. Но зачем раздавливать, в конце концов наверняка 4-х летнему мальцу было не так важно, какая конфета, главное конфета».

Такое стремление лишить себя желаемого, само по себе не доставляет удовольствия. Но действует в рамках бессознательно зафиксированного пережитого воспоминания, в котором укоренилось недоверие к окружающему миру и жизни в целом. Таким образом, вновь и вновь может воплощаться смоделированное травматическим событием отношение к жизни, проявляющееся в ее отстранении, что удовлетворяет влечение к смерти.

VI. Объект мертволюбия

Объектом мертволюбия является тот, на кого направлено влечение. Объект мертволюбия подвергается агрессивным, деструктивным действиям со стороны субъекта с преобладающей энергией Танагоса. Агрессивные действия не направлены только в одну сторону объекта, например, во внешний мир. Объект влечения изменчив и дуалистичен. Само влечение противоборствует жизни и объектам жизни в целом, стремится неорганике, разъединению, разложению, уничтожению органического состояния, проявляется как во внешнюю среду, так и внутреннюю, то есть к самому объекту, с превалирующим, невротичным влечением к мертволюбию. Человек, чье влечение к смерти по большей части направлено против внешнего мира, разрушает также и свой собственный, внутренний мир, в равной степени как и наоборот, когда влечение подавляюще проявляется в саморазрушении – оно так или иначе затрагивает и то, что окружает индивида. Человек живет в обществе и всякие деструктивные действия, направленные на самого себя, косвенно отражаются на окружении индивида. Так, например, близкие человека, который ведет нездоровый образ жизни, находятся в сочувствии, переживании, тревоге за родного человека. В данной статье, в качестве объекта влечения к смерти, выступает человек, который направляет деструктивные действия на самого себя, то есть проявляет аутоагрессию. В случае с пациентом, о котором говорилось выше, из-за злоупотребления наркотическими веществами, которые вызвали деструкцию личностных структур, была разрушена его семья, а собственный ребенок был заражен опасным инфекционным легочным заболеванием.

VII. Страх смерти

Красной нитью через все причины невроза мертволюбия проходит страх. Вместе с рождением человека на свет, рождается и страх перед неиз-

данным миром. Сам процесс рождения для человека является неким актом смерти, смерти в утробе матери и возрождению вне её чрева, в новой среде обитания. Человек страшится еще раз пережить такое. Вместе с тем, страх смерти тесно связан и со страхом к жизни. Впереди – неизвестный мир, враждебная атмосфера, по сравнению с утробой матери, где все было доступно для биологического выживания, тепло и безопасно. Человек переживает болезненно физиологический разрыв с матерью [12]. Сам страх при рождении – скорее базальный страх неизведанного, при этом непременно происходящего. Смерть опустошает, она непреклонна, неизбежна для каждого живого существа. От неё невозможно скрыться или убежать, ею заканчивается каждая жизнь. Смерть неизвестна, невозможно приобрести опыт смерти, никому неведомо, что кроется по ту сторону жизни. От многих объектов, вызывающих страх, возможно убежать. Удалить их из своей жизни, чтобы не испытывать этого неприятного ощущения. Но что, если убежать невозможно? В таком случае, вероятно, возникает стремление «подружиться» с объектом страха, перейти на его сторону, быть с ним заодно.

Первая встреча со смертью произошла у пациента в возрасте около 4-х лет. Он попал в Мавзолей им. Ленина. После посещения усыпальницы, у него возникло чувство страха, ощущение тревоги. *«Помню, что было очень мрачно везде, как будто атмосфера усыпальницы перенеслась на оживленную Тверскую»*. Разумеется, тяжелая, нездоровая обстановка этого места не могла не оставить отпечаток на человека в таком возрасте. В последствие, у пациента не раз возникали крайне неприятные и тягостные ощущения при виде похоронных принадлежностей, страх перед ними. Такой отпечаток вполне мог закрепить пережитые ранее травмы, направить течение энергии в сторону смерти, примирения с ней.

В творчестве можно нередко заметить попытки «примирения» со смертью, приблизить ее в выразительном искусстве к миру живых, поставить наравне с ним. В искусстве средневековья был очень распространен сюжет «Пляски смерти». Смерть непринужденно, игриво, в танце ведёт за руки вельможей, крестьян, королей, воинов, бедняков. Все слои общества, живые, мертвые сплелись за руки в роковом танце. Удивительное сочетание, танец олицетворяет жизнь, ликование, радость, ему присущи ритмичность и динамика. Но ведёт этот танец смерть, держа за руки живых людей, разного сословия. Сюжет олицетворял бренность, греховность земной жизни, в которой все, от низших

слоев общества, до знати, равны перед смертью. Несколько столетий такие гравюры неразрывно связывали со свирепствующей чумой, которая бушевала в эпоху позднего средневековья [13].

В одном из известнейших памятников литературного искусства «Декамерон», Джованни Боккаччо, 3 благородных юношей и 7 дам, бегут из охваченной чумой Флоренции на загородную виллу, где спасаются, переживая спад суровой болезни. Молодые люди достаточно беззаботно и весело проводят время, рассказывая каждый день по десять новелл о любви и...смерти. Олицетворение «пира во время чумы». Многие новеллы носят весьма мрачный характер, в них отражено настроение того времени, где смерть обыденна, отношение к ней, как к чему-то разумеющемуся, неотъемлемому, порой циничное. Все это происходит на фоне простоты и веселья: молодые люди праздно проводят, пьют вино и, сидя на свежем воздухе, в саду у фонтана, делятся историями. С одной стороны, можно расценить такой сюжет, как некое стремление к жизни, несмотря на всепоглощающую атмосферу смерти вокруг. Но эта вездесущая смерть дает основной лейтмотив, попытку поставить её в один ряд с жизнью, в одном танце, как нечто простое, само собой разумеющееся, как то, что может случиться с каждым в любой момент и бояться нечего.

В «Красной книге монастыря Монсеррат», одной из известнейших рукописей XIV в., хранящейся в библиотеке бенедиктинского монастыря Монсеррат в Каталонии, содержится уникальный музыкальный материал того времени. Паломники, проводя дни в молитве чудотворной скульптуре Девы Марии, порой желали петь и танцевать, воспевая Господа и пресвятую Деву Марию. До наших дней сохранилось всего 10 песен из этой книги, среди которых мотеты, баллады, каноны. Венчает это наследие песня «Ad mortem festinamus» («Торопимся мы к смерти»).

*«Торопимся мы к смерти – так бросим же грешить!
Поведать я намерен вам о том, сколь мир презрен,
Дабы года бегущие напрасно не прошли:
Час пробил пробуждения от пагубного сна...»*

(пер. А.А. Россиус).

Конечно, творцы того времени вкладывали в текст духовный аспект: жизнь грешна, грязна и скверна, освободимся от бремени тягостного существования и возвысимся к Богу. В Христианской религии прослеживаются ноты бренности земного существования, человек способен на грех, жизнь

полна несправедных соблазнов, очерняющих душу. В то же время, человек создан по образу и подобию Бога, жизнь – его дар, его милость, нам дано по его воле пройти испытание, не очернить душу грехами или же, поддавшись искушению – раскается и тогда – человека ждет вечное царство. Несмотря на принижение земного существования, по сравнению с небесным, осквернить дар Божий, то есть саму жизнь, дарованную телесность – является тем же самым грехом. Однако, в стремлении изображать мрачные картины и не самые жизне-радостные тексты (несмотря на то, что мелодика произведения того же *Ad mortem festinamus* звучит весьма радостно, задорно, как бы с отважной насмешкой над сюжетной составляющей слов), вряд ли не была никак обусловлена повальным мором. Наблюдая смерть, ужасаясь от её непримиримого и неотвратимого наплыва во всех слоях общества, человек примиряется с ней, невольно впускает в жизнь, делая акцент на том, что смерть подарит вечную, благодатную, духовную, вечную жизнь на небесах. Тяга к земной жизни теряет свою ясность, когда в один день человек может утром сидеть за столом со своими родными, а через несколько суток – быть завёрнутым в погребальный саван.

VIII. Быть человеком

Влечение к смерти может проявляться не только в деструктивете телесности, но и ментальности, чувственности, эмоциональности. Современная эра – эра мертволюбия. В попытках отменить смерть, наша культура становится одержимой смертью как своей целью, выдавая за влечение к жизни – стремление к смерти [6]. Революция ценностного уклада в обществе реверсировало культурные, социальные, экзистенциальные ценности. Человечество ведет опасную игру со смертью, привлекая её на свою сторону, выводя из этой игры суть самой жизни. Общество предлагает расслабиться, отдохнуть, развлечься. Ценность знаний, труда, развития обезличена, репрессировано. Цель трудовой деятельности для многих сводится к развлечению, работать, чтобы хорошо отдохнуть, ездить на комфортном автомобиле, приобретать ненужные вещи. Предлагается огромный ассортимент товара, направленного на упрощение человеческого существования, делая его комфортным, удобным, беззаботным, но вместе с тем переориентируются и цели человеческого существования, на первый план выводится на поверхностность бытовые потребности

человека. Упрощение бытового существования освобождает время рутин, которое может использоваться для развития индивида, личностного роста, творческих дел, однако для многих ценность этого времени заключается в безделье, в потреблении благ, развлечений, удовольствий, но не как необходимость, а с ракурса постоянства, цели жизни. Человек становится рабом потребления искусственности, неорганики, внедряя и ассимилируя это в жизненную необходимость, ставя наряду с высшими ценностями и симулируя этим полноту, яркость, глубину самой жизни [5]. Разумеется, отдых необходим, комфорт приятен, многие современные достижения служат во благо. Но ставя эти блага в приоритет, подгоняя под смысл существования, человек становится инертным, пассивным, поглощая лишь симулякры, прототипы жизни, продуцируя тем самым разрушительные тенденции влечения смерти. Отдых сводится к безделью, к бесполезным, порой вредным действиям, когда отдых и расслабление неразрывно связано с употреблением алкоголя или наркотиков, культа еды, секса только ради физического удовлетворения, бездумное просиживание за интернетом. Проблема не в том, что это предлагает общество, а в спросе на это предложение. Человек принимает примитивность бытия, стремясь к автоматическому, животному, природному состоянию, утрачивая духовный смысл, удовлетворяя инстинкты, потребности, стремится к разрушению себя, как человека, к разрушению целостности своей природы.

IX. «Извините, но у вас просто умерла душа» [14]

В наше время процветает идея трансгуманизма – постчеловечества. Современные научные достижения в сфере технологий, геной инженерии, биоинженерии развивают концепцию человека будущего. Стремление улучшить органические объекты с помощью технологических изысканий подается как новый взгляд в будущее, продление жизни, обретение «бессмертия». Создается образ «идеального» человека, которому нестрашны болезни, время жизни увеличено в разы, возможность трансплантации частей тела, заменяя их на механические аналоги. Развиваются идеи мира, в котором можно будет с помощью обычной пилюли стать жизнерадостным или усилить свои умственные способности [15]. Поверхностно, данные перспективы выглядят жизнеутверждающе, ведь они

направлены на сохранение общества, возможность стать более жизнеустойчивым видом. Но останется ли этот вид – родом человеческим? Будет ли человек при этом «жить» или скорее «веществовать»? Каковы будут ценности такого человека и будут ли они у него вообще? К чему будет стремиться человек, наделенный вечной жизнью? Обретение вечной жизни демотивирует развитие человека. К чему спешить, для чего получать образование, если впереди целая вечность. Естественное продолжение рода, как ключевой фактор влечения Эрос, отойдет даже не на второй план, это по своей сути окажется просто не нужным. Вполне логично предположить, что вместе с этим утилизируется и сам институт семьи. Чувства, эмоции – те самые живые реакции человеческой души на внешний мир, жизненные ситуации, окружающих людей – исчезнут, утянув за собой в бездну само влечение к жизни. Смерть неотъемлемо связана с жизнью, венчает её, делает её уникальной, неповторимой, как и самого человека – наделяя его индивидуальностью бытия, личностью. В бессмертии само время растворится в вечности бытия, стирая уникальность существования, объединяя всех в одно безликое целое. В таком случае не к чему стремиться, не чем выделяться, нет смысла развиваться, равные себе итак совершенны вне времени, вне пространства [16]. Какова будет ценность жизни, если она вечна или может искусственно продлеваться с помощью технологий сколько угодно времени? Бесценность жизни падет, обретая реальную, материальную цену, измеряясь в неорганическом эквиваленте. В бессмертии единственным способом прекратить существование человека может быть только намеренный уход из «жизни» или убийство. В стремлении к вечному биологическому существованию есть предпосылки к узакониванию, моральной норме убийства и самоубийства, к открытой реализации стремления к смерти. Идея о возможности усиливать умственные, творческие, физические способности с помощью фармакологических средств опасна обезличиванию человеческой индивидуальности, омертвлению уникальности человека, наделение его искусственностью, уничтожению природы органики человека, замена её синтетическим, неорганическим, чуждым живому аналогом. Плоды деятельности, стимулированные неприродными средствами, станут уже «следами» не человека, а некоего существа, его искусственного аналога, неистинного, претящего глубинным свойствам органики.

Человек – не просто биологический организм. Он наделен чувствами, разумом, эмоциями, волей, душой. Он стремится творить, олицетворяя культурное наследие, выражать окружающий и внутренний мир в искусстве. Будучи биологически животным, но животным социальным, с довлеющим над инстинктами разумом, человек продолжает плести свою историю в качестве уникального по своей целостности вида. Стимулируя фармакологическими средствами разум, поставив под искусственный контроль чувства, облегчая или сводя к «нулю» душевные переживания, разрушается природная человеческая целостность, человек умертвляет то, что делает его по-настоящему живым существом. Да, жизнь драматична, трагична, каждый человек сталкивается с горестями расставания, утраты, преодолевает разнообразие жизненные сложности, испытывает боль, как душевную, так и физическую. Но способен был бы человек испытывать радость, счастье бытия, ощущал бы чувство любви, без тягостных моментов земного существования? Отвержение страданий омертвляют саму жизнь, она обесцвечивается, теряет свою глубину, по сути – перестает быть жизнью в подлинном смысле этого слова. Попытки изменить природную биологическую составляющую человека, модернизировать его, уничтожат этот вид в своей целостности, создав новый. По сути, это уже совершенно другие существа, только подобие человека, но синтезированного, механического или же генетически, биологически измененного. Стремление отказа от органического состояния в пользу неорганического – ключевое в инстинкте смерти. Почему же человечество переориентировалось в сторону собственной деструкции, стремясь добровольно впасть во всеохватывающее объятие смерти? Вероятно, почувствовав силу науки и технологии, человек недальновидно пытается превзойти природу. Одурманенное властью над органическим миром, жаждой вечного существования, человечество перестает отдавать отчет о последствиях, пытаясь оправдать неполноценность белковой жизни – всецело стремится к её уничтожению. Материальная, техническая, вещевая ценности встают много выше духовности, чувственности, эмоциональности и органичности человеческого бытия.

Человек пытается максимально облегчить, упростить свое существование, постоянно повышая пределы и возможности этой цели. Абсурдность заключается в том, что такое слепое стремление есть непосредственное влечение к смерти.

Ведь полное избавление от земных тягот бытия, к чему так стремится человечество, может истинно разрешиться только прекращением органической жизни.

Х. Выбор

Можно ли утверждать, что различные ситуации, травмы в развитии, не только описанные в этой статье, определяют судьбу человека в бессознательном стремлении к смерти? Конечно, все эти причины имеют определенное влияние, оставляют свой след, что может вылиться в тенденцию навязчивого повторения действий, потворствующих инстинкту мертволюбия. Однако не стоит забывать, что у каждого человека есть выбор. Поддаться влечению к смерти, потакать бессознательным порывам, встать на сторону идеи массового уничтожения под видом «выживания», но которые выражаются в осознанных действиях, удовлетворяющих инстинкт влечения к Танатосу, или же найти силы перенаправить энергию на созидание жизни, любовь и тягу к ней. Никто не может обязать человека зависеть от алкоголя, наркотиков, разрушать ими свой организм, приближая его к умерщвлению. Никто не может заставить человека вести безэмоциональную сексуальную жизнь, удовлетворяя лишь физическое желание, выставляя это в качестве игры, соревнования, в котором человек только кажется себе победителем, но при этом уничтожает в себе органику и гармонию чувства любви – созидательного, неотъемлемого чувства жизнелюбия. Никто не заставит человека сознательно лишать себя жизни, здоровья, радости. Мы все можем выбирать. Да, в силу травмирующих событий, этот выбор иногда сделать сложнее. Но он всегда есть у каждого. И он равноценно справедлив, только стоит ли выбирать и стремиться к тому, что итак неизбежно наступит?

Жизнь сама себе полноценна. В ней есть место для всего, для радости, тоски, счастья, печали, любви, утраты, в ней есть место и для самой смерти, причем в определенной степени почетное, завершающее жизненный путь, она все равно неотъемлема для каждого. В стремлении к жизни можно обнаружить всю палитру красок, глубину бытия, ощутить контраст чувств и эмоций. В стремлении к смерти – есть только смерть, просто время, которое уныло течет в никуда, скорее это и не жизнь, в полном смысле своего слова, а просто существование, в ожидании смерти.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. О жизни и смерти // Жизнь земная и последующая / Сост. П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М.: Политиздат, 1991.
2. Фрейд З. Мы и смерть // Фрейд З. Собр. соч. М.: АСТ, СТД, 2008.
3. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992.
4. Шпильрейн С. Деструкция, как причина становления / Перевод М.И. Шпильрейн; ред. перевода О.В. Никифоров (цит. по изд.: Sabina Spielrein, Die Destruktion als Ursache des Werdens. Jahrbuch fur psychoanalytische und psycho-patologische Forschungen, 1912, № 4, 465-503).
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. Э.М. Телятников, Т.В. Панфилова. М.: АСТ, 2004.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
7. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001.
8. Фромм Э. Ради любви к жизни / Сост. П.С. Гуревич. М.: АСТ, 2000.
9. Фрейд З. Влечения и их судьба // Фрейд Зигмунд. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: сборник. СПб.: Алетейя, 1998.
10. Винникотт Д.В. Теория родительно-младенческих отношений // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 2.
11. Сирс У., Сирс М. Ваш малыш от рождения до двух лет. М.: Эксмо, 2006.
12. Ранк О. Травма рождения и её значение для психоанализа. М.: Когито-Центр, 2009.
13. Реутин М.Ю. Словарь средневековой культуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
14. Вульф Т. Sorry but Your Soul just Died / Forbes ASAP, 2 декабря, 1993.
15. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левин. М.: АСТ, 2004.
16. Кутырёв В.А. Прельщение бессмертием (об абиотических тенденциях современной цивилизации) // Нижний Новгород. 1997. № 6. С. 169-175.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. O zhizni i smerti // Zhizn' zemnaya i posleduyushchaya / Sost. P.S. Gurevich, S.Ya. Levit. M.: Politizdat, 1991.
2. Freid Z. My i smert' // Sbranie sochinenii. M.: AST, STD, 2008.
3. Freid Z. Po tu storonu printsipa udovol'stviya. M.: Progress, 1992.
4. Shpil'rein S. Destruktsiia, kak prichina stanovleniia / Perevod M.I. Shpil'rein; red. perevoda O.V. Nikiforov (tsit. po izd.: Sabina Spielrein, Die Destruktion als Ursache des Werdens. Jahrbuch fur psychoanalytische und psycho-patologische Forschungen, 1912, № 4, 465-503).
5. Fromm E. Anatomiiia chelovecheskoi destruktivnosti / Per. s angl. E.M. Teliatnikova, T.V. Panfilova. M.: AST, 2004.
6. Bodriiiair Zh. Simvolicheskii obmen i smert'. M.: Dobrosvet, 2000.
7. Shneidman E. Dusha samoubiitsy. M.: Smysl, 2001.
8. Fromm E. Radi liubvi k zhizni / Sost. P.S. Gurevich. M.: AST, 2000.
9. Freid Z. Vlecheniia i ikh sud'ba // Freid Zigmund. Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza: sbornik. SPb.: Aleteiia, 1998.
10. Vinnikott D.V. Teoriiia roditel'sko-mladencheskikh otnoshenii // Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza. 2005. № 2.
11. Sirs U., Sirs M. Vash malysh ot rozhdeniia do dvukh let. M.: Eksmo, 2006.
12. Rank O. Travma rozhdeniia i ee znachenie dlia psikhoanaliza. M.: Kogito-Tsentr, 2009.
13. Reutin M.Iu. Slovar' srednevekovoii kul'tury. M.: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2003.
14. Vul'f T. Sorry but Your Soul just Died / Forbes ASAP, 2 dekabria, 1993.
15. Fukuiama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviia biotekhnologicheskoi revoliutsii / Per. s angl. M.B. Levin. M.: AST, 2004.
16. Kutyr'ev V.A. Prel'shchenie bessmertiem (ob abioticheskikh tendentsiakh sovremennoi tsivilizatsii) // Nizhnii Novgorod. 1997. № 6. S. 169-175.